
Т. В. ПАРНЮК
Свердловская средняя школа № 13

Своеобразие уральского камнерезного искусства в творчестве Н. Д. Татаурова

Красоту цветного камня человечество ценило издавна. Издавна любили и понимали камень на Урале. Но подлинная история уральского камня и его художественной обработки началась лишь в XVIII столетии. Славу камнерезного искусства Урала создали не только художники большого дарования, чьи имена сохранила история, но и тот огромный отряд художников-тружеников, даровитых умельцев, благодаря которым совершенствовались, накапливались и передавались традиции.

Среди уральских камнерезов видное место занимает Николай Дмитриевич Татауров, один из прославленных яшмоделов, участник многих всероссийских, всесоюзных и международных выставок, обладатель премий, почетных дипломов и грамот, человек, прошедший большую жизненную школу и воспитавший талантливую смену. Несмотря на значительный вклад Н. Д. Татаурова в историю камнерезного дела на Урале, его творчество не было до сих пор предметом монографического анализа, а упоминания о нем в специальной литературе разрозненны и не всегда точны¹.

Путь к камню Николая Дмитриевича Татаурова во многом типичен для уральских мастеров. Сын кузнеца, он с детства наблюдал за отцовской работой, иногда помогал ему. Работа кузнеца с горячим ковким металлом требовала особенного чутья материала: его температуры, массы, объема — ведь делали все «на глазок», интуитивно, до всего доходили опытом, тщательно приберегая и накапливая наблюдения и навыки. И наверное, это отцовское «чувство материала» передалось сыну.

В 1893 г. Николай Татауров поступил в школу мастеров-камнерезов при Екатеринбургской гранильной фабрике². Школа «рисования, лепления и резьбы»³ при фабрике практически была организована в 1800 г., когда директором и главным начальником экспедиции мраморной ломки и прииска цветных камней стал президент Академии художеств граф Александр Сергеевич Строганов, много сделавший для развития Екатеринбургской гранильной фабрики и школы при ней. После смер-

ти Строганова, в 1811 г., гранильная фабрика переходит в ведение императорского кабинета⁴ и выполняет заказы только для царского двора. Во второй половине XIX в., когда «умирал» классицизм и русское декоративно-прикладное искусство, как и все искусство в целом, искало новые пути, императорская фабрика, работавшая на заказ узкого круга лиц, оставалась в стороне от этих поисков, продолжая работу в старых традициях. Но великолепные произведения, например, знаменитые уральские вазы из камня, создаваемые и теперь, мало соответствовали новым архитектурным формам. Делали их преимущественно для выставок, где они поражали зрителей филигранной техникой и отточенностью исполнения. В 1861—1863 гг. после отмены крепостного права многие камнерезы, ранее прикрепленные к фабрике, покинули ее. На фабрике остались только вольнонаемные рабочие⁵. В результате большинство рабочих династий, которые в немалой степени обеспечивали непрерывность традиций уральского камнерезного искусства, прекратили свое существование. В 1850—1870-е годы фабрика переживала кризис.

Поиски новых форм изделий, нового применения цветного камня начались с 1886 г., после назначения директором фабрики (12 ноября 1885 г.) горного инженера В. В. Мостовенко⁶. Он понимал особое значение фабрики и существовавшей при ней школы, считая их своего рода академией камнерезного искусства. «Школа рисования, лепления и резного искусства при фабрике давала возможность иметь опытных мастеров камнерезного дела, которые служили не одной лишь фабрике, но распространяли это искусство как кустари, являясь представителями особого рода промышленности, занявшей в истории Урала почетное место», — отмечалось в отчете В. В. Мостовенко за 1909 г.⁷

Во время учебы Н. Татаурова в школе его наставником был Константин Алексеевич Петровский⁸. Он «учил лепке, рисованию и разным наукам — арифметике и другим, — вспоминал Н. Татауров. — ...В школе платили мало, рубля два-три в месяц... Но мы получали доход от листиков, которые делали по моделям учителя... Когда приходили на фабрику посетители, он продавал наши листочки»⁹. После пяти лет обучения, в 1897 г., Н. Татауров, получив документы об окончании трех классов начальной школы и о прохождении полного курса обучения камнерезному делу, начинает работать на фабрике, получая в год 168 рублей¹⁰. Он, его брат Георгий, В. Семенов, Шмелевы, Комаровы стали мастерами нового поколения камнерезов, поколения, сохранявшего старые традиции и ищущего новые пути, ибо на рубеже веков почти полностью обновляется состав работников фабрики.

Период становления творческого почерка мастера до настоящего времени мало изучен, сведений о его ранних работах поч-

ти нет, вот почему особый интерес представляют воспоминания М. В. Егоровой, внучки Н. Д. Татаурова¹¹. Первые работы были выполнены Татауровым в шестнадцатилетнем возрасте. Одна из них, «Распятие»¹², представляет крест из камня песочного цвета высотой около 15 см с фигуркой Христа, выполненной из калканской яшмы.

По воспоминаниям М. В. Егоровой, поражала филигранность исполнения: у 10-сантиметровой фигурки, вырезанной в таком твердом камне, как яшма, был виден каждый ноготок на пальцах, каждый вбитый в тело гвоздь. Видимо, скульптура представляла музейную ценность, ибо в 1957 г. сотрудники Звенигородского музея обращались к внучке камнереза с просьбой продать «Распятие» для экспозиции.

На фабрике Николай и его брат трудились в основном над заказами для кабинета царя и царицы, иногда для церквей (иконостасы и дарохранительницы). Они вспоминали: «А то делали мы совсем махонькие столики. Три вершка вышиной, а ножки точеные. Делали мы и зверьков и животных маленьких... Делали и корзины для фруктов, делали и сами фрукты... Цыплят делали, когда они из яйца вылупляются... Гнездышки с птенчиками делали... Много приходилось делать и печаток разных — из малинового шерла, из аметистов, из аквамаринов... много пепельниц, много избушек для папирос...» Все работы молодых мастеров уходили в Петербург, «а у самих-то даже запонки не было»¹³. За работу для царского двора Н. Д. Татауров был награжден царскими грамотами и именными серебряными часами «из кабинета его императорского величества»¹⁴.

В специальной литературе о братьях Татауровых упоминают начиная с их работы над картой Франции (1898—1900). Но сам факт привлечения к изготовлению такого ответственного заказа 22-летнего камнереза свидетельствует о его высокой квалификации. Необходимый же опыт, точность глаза, твердость руки, художественная чуткость приобретались постепенно в эти первые годы самостоятельной работы. Школа выпускала, можно сказать, мастеров-универсалов. Кроме основной специальности ее ученики владели навыками работы во всех областях обработки камня: камнерезной, гранильной, ювелирной. Но все же у каждого мастера был свой камень, которому он отдавал явное предпочтение. Таким камнем для Н. Д. Татаурова стала яшма! Он выбрал ее за сказочное многоцветие и необычайную твердость.

Процесс обработки яшмы труден. Из сырья, покрытого туманной пленкой, надо выбрать подходящий материал, для этого по камню проводят сырой тряпкой и он чудесно оживает, четко проступает его рисунок. Затем камень простукивают молотком, чтобы убедиться, что он годен для обработки и не содержит трещин, «мякотин», различных включений. После осмотра ка-

мень распиливают на специальном станке на ровные пластинки нужной толщины — «фанеру», затем следует проточка и шлифовка на другом станке — планшайбе. Если из яшмы делают броши, запонки, вставки для пудрениц, ее полируют сразу же после шлифовки. Мозаичную же плоскость сначала «набирают» — накладывают плитки на каркас, учитывая при этом, что площадь каркаса надо закрывать так, чтобы следующую плитку можно было свободно вставить сбоку, а не сверху. После этого при определенной температуре плитки наклеиваются на каркас. Эта операция требует большого опыта и чутья: перегрешь — потрескается яшма, плохо нагреешь — плитки отпадут. И наконец, готовая мозаика полируется. Н. Татауров в совершенстве овладел техникой каменной живописи, что и доказал в процессе работы над картой Франции.

Карта была изготовлена под руководством В. В. Мостовенко и подарена Франции в 1900 г. в честь дружбы между двумя государствами. Для ее создания была организована своеобразная артель из 8 человек, в которую вошли камнерезы и гранильщики: Н. и Г. Татауровы, А. Шубин, К. Воронов, А. Нехорошков, Подкорытовы, Д. Зверев. Для составления проекта карты пользовались топографическими картами Франции. 86 французских департаментов набирались из «фанеры» калканской, кушкульдинской, николаевской (шалимовской), ямской яшмы, а также из агата и нефрита. Агатовые вставки делал Н. Татауров. 106 городов были обозначены уральскими самоцветами. Уникальные камни отмечали наиболее крупные французские города. Так, Париж обозначен сиберитом (красный турмалин) в $4\frac{1}{4}$ карата. Реки и озера выполнены из платины, а названия городов из золота. Самоцветные камни и вставки из платины крепились на золотых штифтах, для чего потребовалось высверлить в мозаичном наборе 985 мелких отверстий. Эту тонкую работу, требующую твердости руки и точности глаза, выполнял Н. Татауров. Правильная методика изготовления мозаичного набора определилась лишь в процессе работы. Так, для лучшего обозначения границ департаментов пришлось снять тонкую фаску по контуру яшмовых пластин, что оживило карту, придав ей легкий рельеф. Обрамляла картину рама из николаевской яшмы. Чтобы прикрыть швы крепления, в двух верхних углах рамы были вырезаны каменные листья. На изготовление карты потребовалось два года кропотливой работы.

Размером 1×1 м, весом более 33 пудов, стоимостью свыше 16 тыс. рублей, эта карта стала лучшим экспонатом Всемирной выставки в Париже, удостоенным высшей премии — «Гран-при». Молва передает слова, будто бы сказанные одним из иностранных посетителей выставки о мастерах, изготовивших карту: «Ученики далеко опередили своих учителей». Под «учениками» подразумевались уральские камнерезы, а «учителями» называли первых иностранцев, приехавших на Урал обучать русских гор-

няков. За эту работу В. В. Мостовенко был награжден командорским крестом Почетного легиона, мастерам же казна выдала... по 3 рубля.

Карта Франции стала последней крупной работой фабрики в дооктябрьский период. Хотя она и показала, что фабрике по плечу крупномасштабные работы, которые могли быть использованы в государственных и частных сооружениях, царский кабинет, преследуя свои узкопрактические цели, не давал возможности изменить назначение и характер ее деятельности. Основной ассортимент камнерезных изделий исчерпывался вазами, чашками, чернильницами, светильниками и другими мелкими предметами, иногда готовились коллекции уральских камней для учебных заведений. Отсталое оборудование тормозило и так не слишком оживленную работу. К 1914 г. на фабрике работало около 40 человек. Правда, была намечена техническая реконструкция, но этому помешала империалистическая война. В 1915 г. часть помещений фабрики заняли под воинский постой, а многих рабочих мобилизовали на фронт, среди них был и Н. Татауров, который пробыл в армии до 1918 г.¹⁵

Возрождение камнерезного промысла началось в советское время. В 1924 г. на фабрике давали продукцию два цеха: камнерезный, в котором работало 30 человек, и ограночный. Художественные изделия шли только на внутренний рынок¹⁶. Потребовалось немало времени и труда, чтобы снова засияли уральские камни не только на отечественных выставках, но и за рубежом. Вернулись на фабрику многие мастера, покинувшие ее кто в связи с войной, кто в связи со свертыванием производства. В 1923 г. после пятилетней работы в главных Екатеринбургских мастерских Пермской железной дороги вернулся и Николай Дмитриевич Татауров, вернулся, чтобы больше не расставаться с любимой работой.

В этот период переосмысливается назначение камнерезного искусства, меняются тематика и характер творчества мастеров цветного камня. В своих произведениях они отражают важнейшие явления и события жизни страны, трудятся над выполнением социальных заказов. Н. Татауров, как и его товарищи, не просто откликался на важнейшие события — он жил ими. Проходя через душу и сердце, они воплощались в камне как личная оценка и утверждение того нового, что принесло с собой рождение первой в мире Страны Советов. В качестве примера такой работы можно назвать выполнение в 1924 г. по постановлению I областного съезда горнорабочих знамени «Ленину — горняки Урала»¹⁷. Над этим чисто уральским произведением, высеченным из 96-килограммового камня сургучной яшмы, работали под руководством профессора К. Матвеева и Ю. Подэрни камнерезы А. Шубин, Н. и Г. Татауровы, А. Платонов, В. Семенов. Николай Дмитриевич трудился над полотнищем знамени. Твердость выбранной яшмы была настолько велика, что за смену

удавалось пропилить не более одного вершка (4,4 см). Работали в три смены и выполнили задание за две недели¹⁸.

Другой подобной работой стало исполнение в 1935 г. эмблемы Советской власти — четырех звезд для Кремлевских башен. В звезды было вложено 10 тысяч драгоценных и полудрагоценных камней, в том числе 2 тысячи камней горного хрусталя — с Урала, с Березовских месторождений. Честь работать на выколотке, выбирать и выскивать среди бесформенных масс сырца лучшие кристаллы была оказана опытным камнерезам В. Семенову и Н. Татаурову. Через темную пленку покрова, через слой грязной породы они усматривали сердцевину самоцветного камня и бережно вырезали ее, угадывая тот блеск и игру, которую приобретут камни после огранки. Надо обладать большим опытом и точным глазом, чтобы выполнить эту работу.

Своеобразным личным вкладом уральских мастеров в утверждение дружбы народов страны можно назвать изготовление в 1935 г. 11 гербов союзных республик для Международной выставки в Нью-Йорке. Работа выполнялась в Ленинграде, куда были командированы лучшие камнерезы В. Семенов, братья Татауровы, А. Оберюхтин и др.

В 1937 г. отражением успехов нашей страны на пути социалистического строительства стала «карта индустриализации»¹⁹, созданная на фабрике треста «Русские самоцветы» в результате двухлетней работы коллектива мастеров. Двадцать ювелиров, огранщиков, камнерезов принимали участие в ней. Ведущими специалистами были назначены Н. Татауров, Г. Татауров, В. Семенов, А. Шубин и Т. Колчина. Неожиданно большой объем работы выпал на долю камнерезов: к набору понадобилось подготовить четыре с половиной тонны одних только яшмовых пластин. Огромная карта была изготовлена мозаичным способом из разнообразных самоцветных и драгоценных камней. Работа потребовала больших технологических знаний и художественного чутья. Здесь особенно пригодился опыт мастера, накопленный в свое время в процессе изготовления карты Франции. «Мозаичный набор карты требовал кропотливой и чрезвычайно тонкой работы. По рисунку, исполненному акварелью, мастера с таким расчетом подбирали тона камня в каждой секции, чтобы они совпадали, согласовывались друг с другом, а не выглядели заплатами. Тщательно нужно было не только выбрать цвет камня, но и соблюсти размеры деталей. Неточность размеров, допущенная на одном планшете, приводила к тому, что изображенные на нем реки, озера не увязывались с реками, озерами, изображенными на другом»²⁰. Новое изделие уральских камнерезов с успехом демонстрировалось на Всемирной выставке в Париже (1937), где в свое время, свыше 30 лет назад, была представлена карта Франции. Последняя работа показала, как выросло мастерство уральских камнерезов за довольно короткий срок. Парижские корреспонденты писали, что карта СССР

является одним из самых изумительных экспонатов не только советского павильона, но и всей выставки. За участие в создании этого каменного чуда Н. Д. Татаурову и его товарищам был присужден Большой приз Парижской выставки. Грамота висела в доме камнереза на самом почетном месте²¹.

Социальный заказ, таким образом, постоянно сливался с личной потребностью мастера выразить свое отношение к происходящему. В честь новой Конституции 1936 г. Н. Д. Татауров вместе с братом изготовил большой альбом из нескольких яшмовых плит. Николаем Дмитриевичем был вырезан барельеф Сталина, помещенный в правом углу «обложки», которую украшал мозаичный набор, изображающий уральский горный пейзаж. Боевым победам, одержанным советскими пограничниками в районе о. Хасан, был посвящен альбом²², который в дни празднования 40-летнего юбилея МХАТа Н. Д. Татауров, находящийся в составе делегации артистов Свердловской области, вручил юбиляру. И, наверное, не случайно именно Н. Д. Татаурову в 1945 г. доверяется выполнение заказа трудящихся Урала — оформить «Новогодний отчет уральцев товарищу Сталину».

За самоотверженную работу Н. Д. Татауров был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и именными часами. О большом авторитете мастера можно судить по тому факту, что с ним, простым камнерезом, о проблемах развития камнерезного дела советовались в Наркомате РСФСР²³.

Но, принимая участие в создании монументальных произведений, где большое место занимала мозаичная работа, работа с плоскостью камня, Николай Дмитриевич все же чувствовал постоянное тяготение к работе с объемом, массой камня, которое проявилось в его скульптурах. На Свердловской областной выставке камнерезного искусства в 1938 г. в отдельной витрине демонстрировались барельеф Сталина, вазы, фигурки зверей, броши. Эти выполненные в мелкой пластике вещи менее известны. Но в них отчетливо проявляется такая сторона дарования Татаурова, как чувство объема, формы, фактуры поверхности камня.

Для этого направления творчества Н. Д. Татаурова характерно продолжение традиций кустарных промыслов с их непосредственностью, иногда наивным обобщением формы и в то же время любовным выполнением деталей. Не владея навыками профессионального рисовальщика, он мыслит сразу в камне. Яшма с ее разнообразной окраской — пестроцветная орская, однотонная серо-стальная и нежно-зеленая калканская, сургучная — сама подсказывала ему форму и характер вещи. Работа с яшмой ввиду ее необычайной твердости в соединении с хрупкостью, как было показано выше, требует кропотливого и терпеливого труда. Она хорошо поддается полировке, прини-

мая зеркальную поверхность, и одновременно эффектна в углубленном и выпуклом рельефах. Эти возможности камня Н. Татауров широко использовал. Особенно удачны, на наш взгляд, его пепельницы. Одна из них, «Тройка», представляет собой овальную плиту с углублением для пепла с одной стороны и рельефом, изображающим тройку везущих санный возок лошадей — с другой. Пепельница «Листья и ягоды» более проста по конструкции. Обе пепельницы выполнены из калканской яшмы, но как различен подход к камню, как различно трансформируется его поверхность под руками мастера. Пепельница «Листья и ягоды» поражает легкостью, изяществом, светотеневой игрой растительного орнамента, обрамляющего гладкую поверхность. Это изделие свидетельствует о высоком мастерстве камнереза, не только технического, но и художественном.

Самобытность дарования проявляется и в скульптурных вещах анималистического жанра. Животных Николай Дмитриевич очень любил. Мог часами следить за повадками кошки, говоря, что она прообраз тигра и льва²⁴. Наблюдая животных не только в домашних условиях, но и во время частых посещений зоопарка, Николай Дмитриевич создает образы экзотических животных. В небольшой скульптурной композиции «Львица» лаконично передается поза замершего перед прыжком зверя, момент равновесия между двумя противоположными состояниями — покоем и движением. Анатолии Татауров следует скорее интуитивно, но при этом отбирает такие детали, которые позволяют с предельной точностью и ясностью передать задуманный образ. Выполненный им совместно с братом из орской яшмы «Носорог» удивляет точной передачей формы и соответствующим ей блеском полированной поверхности. Коробочка «Карась»²⁵ радует тонким сочетанием утилитарной и художественной функций предмета, забавляя чисто татауровской находкой: простая форма коробочки в виде рыбы подчеркивается нанесенной резцом на крышку сеткой, которая смотрится стилизованной рыбьей чешуей. Таким образом, мелкая пластика существенно дополняет картину творчества Н. Д. Татаурова, внося в него неожиданные черты, сближающие его, хотя и неявно, с традициями уральского художественного примитива.

Свою работу мастер очень любил. Сказанные Н. Татауровым на праздновании его 75-летия слова «Пока видят глаза и руки делают — буду работать»²⁶ могут служить ключом к пониманию его жизненной позиции и его творчества.

Почти 70 лет отдал Н. Д. Татауров любимому делу (он умер 13 апреля 1959 г.), внося свой вклад в развитие камнерезного искусства на Урале. В этом ему помогала любовь к камню, недаром его называют «яшмовым чародеем».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В капитальном исследовании «Завод «Русские самоцветы» (Свердловск, 1976, с. 383) о Н. Д. Татаурове упоминается в главах 5 и 6, написанных В. Б. Семеновым. Среди мастеров, работавших над знаменем горняков Ленину, названы Г. Д. и А. И. Татауровы (с. 165), а следует Г. Д. и Н. Д. Татауровы, ибо А. И. Татауров относится к другой династии и над знаменем не работал. Та же ошибка и в отношении работы над «картой индустриализации» (с. 179). Нет упоминания о работе Н. Д. Татаурова над изготовлением кремлевских звезд (с. 169) и т. д.

² ГАСО, ф. 86, оп. 1, № 1206.

³ Там же, № 1158, л. 16 об.

⁴ Там же, л. 39 об.

⁵ Там же, л. 40.

⁶ Там же, № 1161, л. 18 об.

⁷ Там же, № 1183, л. 15 об.

⁸ Там же, № 1161, л. 11.

⁹ *Ратушный П. И.* Все для других (запись рассказа камнерезов Н. и Г. Татауровых).— В кн.: Счастливые камни. Челябинск, 1937, с. 111.

¹⁰ ГАСО, ф. 86, оп. 1, № 1398, л. 82 об.

¹¹ Маргарита Викторовна Егорова, внучка Н. Д. Татаурова, живет в г. Свердловске. Сведения о Н. Д. Татаурове были сообщены автору в личной беседе в 1981 г. Запись беседы — 6 с. рукописного текста в архиве автора.

¹² Местонахождение неизвестно. По воспоминаниям М. В. Егоровой после смерти Н. Д. Татаурова была подарена священнику г. Свердловска.— Запись беседы с М. В. Егоровой, с. 3.

¹³ *Ратушный П. И.* Все для других, с. 113—114.

¹⁴ Хранятся в семейном архиве М. В. Егоровой.

¹⁵ ГАСО, ф. 86, оп. 1, № 1172, л. 42.

¹⁶ Уральские самоцветы. Беседа с техруком Екатеринбургского отделения треста «Русские самоцветы» Гордиенко.— Уральский рабочий, 1924, 18 мая.

¹⁷ Местонахождение неизвестно.

¹⁸ Знамя горняков.— Уральский рабочий, 1924, 13 мая.

¹⁹ Эрмитаж. Георгиевский зал.

²⁰ *Павловский Б. В.* Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953, с. 121.

²¹ Запись беседы с М. В. Егоровой, с. 3.

²² Музей МХАТа.

²³ *Попова Н.* Мастера цветного камня.— В кн.: *Попова Н., Рождественская К.* Живители камня. Свердловск, 1950, с. 27.

²⁴ Запись беседы с М. В. Егоровой, с. 1.

²⁵ Все перечисленные работы находятся в Свердловском областном краеведческом музее.

²⁶ Запись беседы с М. В. Егоровой, с. 5.